

К ВОПРОСУ ОБ ИСХОДНЫХ ПОЗИЦИЯХ НОВЕЙШЕЙ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМОВОГО ЗОДЧЕСТВА В РОССИИ С КОНЦА 80-Х – НАЧАЛА 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА

УДК 726.036:271.2(470)

ББК 85.11:86.372(2)

Н.А. Петров-Спиридонов

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы эволюции отечественного православного храмового зодчества с точки зрения анализа исходных позиций нового витка храмостроительства после 1990 годов. Проведен общий сравнительный анализ дореволюционных и современных мотиваций развития храмовой архитектуры. Рассмотрены гармонизирующие и энтропийно-деструктивные процессы эволюции храмового зодчества применительно к современным условиям. Предложена общая схема оценки исходных позиций и компонентов храмового зодчества после 1990 года. Выделена роль внутрицерковных составляющих развития храмовой архитектуры в современных условиях.¹

Ключевые слова: храмовое зодчество, Русская Православная Церковь, эволюция архитектуры храмов, факторы эволюции архитектуры, семантика храмовой архитектуры, мотивации развития храмовой архитектуры

TO THE QUESTION ABOUT THE SOURCE POSITIONS FOR THE LATEST EVOLUTION OF THE ORTHODOX CHURCH ARCHITECTURE IN RUSSIA SINCE THE LATE 80'S - EARLY 90-IES OF XX CENTURY

N.A. Petrov-Spiridonov

Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

Abstract

The article deals with the evolution of the Russian Orthodox Church architecture from the point of view of analysis of the starting positions of a new round of Church-building after 1990. General comparative analysis of the pre-revolutionary and modern motivations of development of temple architecture has been done. Were considered a harmonizing and entropy-destructive processes of the evolution of temple architecture in relation to modern conditions. The General evaluation scheme of the source positions and components of the temple architecture after 1990 is suggested. The role of the Orthodox Church internal components of the development of temple architecture in the modern world is described.²

Keywords: Church architecture, Russian Orthodox Church, the evolution of the architecture of the temples, the factors of evolution of architecture, semantics of architecture, the motivation for the development of temple architecture

¹ **Для цитирования:** Петров-Спиридонов Н.А. К вопросу об исходных позициях новейшей эволюции православного храмового зодчества в России с конца 80-х – начала 90-х годов XX века // Architecture and Modern Information Technologies. – 2017. – №3(40). – С. 20-38 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://marhi.ru/AMIT/2017/3kvart17/02_petrov/index.php

² **For citation:** Petrov-Spiridonov N.A. To the Question about the Source Positions for the Latest Evolution of the Orthodox Church Architecture in Russia Since the Late 80's – Early 90-ies of XX Century. Architecture and Modern Information Technologies, 2017, no. 3(40), pp. 20-38. Available at: http://marhi.ru/eng/AMIT/2017/3kvart17/02_petrov/index.php

Основные вопросы

Вопросы эволюции православного храмового зодчества в начале XXI века становятся актуальной темой как для исследований, так и для практического проектирования. Очевидной проблемой стало несоответствие громадного и многомерного архитектурного наследия до 1917 года (даже при всех утратах) и явлений интеллектуально-культурной разобщённости и непоследовательности новейшего православного храмостроения.

Основной гипотезой данной работы, таким образом, становится предположение о всплеске культурно-исторической энтропии (в храмовой архитектуре), порождённом столкновением современной ментальности, как общества, так и специалистов, и реальным содержанием храмового наследия XI – начала XX веков. Иными словами, диссонанс современных представлений о храмах и реально существующих фактов как архитектурного, так и понятийно-идеологического характера в храмовом наследии является важнейшим фактором сегодняшней архитектурной эволюции в исследуемой области.

Задача данной работы, следовательно, состоит в выявлении (на доступных примерах) закономерностей созревания как положительных, гармонических процессов архитектурной эволюции, так и энтропийно-деструктивных результатов формирования архитектурного произведения. На сегодняшний день, даже не прибегая к строгому научному учёту, можно сказать, что среди новейших храмов крайне редко встречается архитектура, которая «берёт за душу»; старине это свойственно значительно чаще, хотя и не всегда.

Характерно, что в научных описаниях отражена в большей степени внешняя сторона эволюции – смены стилей, заимствования и т.д., а «проникновенность», т.е. значимость зодчества для внутреннего мира человека описать гораздо сложнее и сложнее научно формализовать.

Казалось бы, проект, как некий акт синтеза творческого поиска и практической профессиональной проработки проектной документации, представляет собой нечто заново рождённое и уже, казалось бы, в силу этого не может претендовать на описание словами, которыми верующие описывают давнишние, часто древние места поклонения и святыни. Но «секретом» недостижимо высокого старинного зодчества и является скорее всего то, что изначальный проектный импульс уже включал в себя *давнишнее* переживание о святынях, словно бы руками зодчего проектировали люди, жившие за много поколений до него. Верующие люди говорят «намоленный храм», «намоленная икона», подразумевая временное накопление религиозных переживаний. Рассуждения об эволюции храмовой архитектуры лишатся, на наш взгляд, важнейшей части, если переживания зодчего о святынях и воздействие на его творчество ранее накопленного религиозного опыта, или религиозное видение проекта глазами минувших поколений не поставит на уровень главных целей и в ранг основных процессов самой эволюции.

О литературных источниках

Практически все работы о храмах, так или иначе, имеют в себе эволюционную составляющую, в явном или неявном виде. Целенаправленные в смысле эволюции работы можно, на наш взгляд, поделить на несколько категорий:

1. Объединяющие монографии интегрального характера, содержащие широкие обобщения, где эволюция форм архитектуры рассматривается во взаимосвязи с внутренними религиозными и идейными факторами. Например, это монографии Д.О. Швидковского, А.С. Щенкова с соавторами и др. [1,2].
2. Работы индивидуально-исповедального характера, своего рода личные научные откровения, как работы Д.С. Лихачёва, Е.А. Ополовниковой, Е.Н. Трубецкого, о. Павла Флоренского и др.[3,4,5,6]. Данный круг работ содержит ценнейшие высказывания на

основе личного религиозного и культурно-исторического опыта. Отличительным свойством данного рода работ является их яркая индивидуальность, и как следствие им свойственна достаточно строгая очерченность охвата и чаще всего отсутствие широких статистических обобщений.

3. Работы в области изучения эволюции художественных и архитектурных стилей. Количественно работ такого рода большинство; им свойственно, как правило, описательное устройство и некое невмешательство в религиозные мотивации генезиса произведений.

4. Работы, рассматривающие эволюцию конкретных объектов (храмов, монастырей), как правило, памятников. Данный вид работ часто построен на реставрационных обследованиях; характеризуется отсутствием широких статистических обобщений и также как правило «невмешательством» в религиозные мотивации храмоздательства.

Предлагаемые критерии оценки храмовой эволюции

При всей сложности выделения критериев эволюции мы остановимся на четырёх пунктах, объединяющих на наш взгляд основные группы эволюционных факторов и соответствующие основным составляющим самого процесса рассматриваемой эволюции:

А) Эволюция конкретики религиозно-общественных представлений в смысле осознания места в реальной жизни основных догматических категорий православной веры, в том числе в отношении к архитектуре;

Б) Эволюция собственно архитектурных подходов и представлений, включая воздействие светских стилевых факторов;

В) Эволюция взаимосвязей архитектуры храма и среды (градостроительной или природно-ландшафтной в зависимости от ситуации);

Г) Эволюция представлений общества об архитектурных и исторических доминантах в ткани поселений и городов.

Далее мы приводим краткий анализ предложенных критериев (А,Б,В,Г) с точки зрения деления на положительные, гармонизирующие компоненты, и на компоненты энтропийно-деструктивные.

Так, критерий А (эволюция представлений) в части положительных компонентов на наш взгляд включает в себя:

1) Воцерковление населения, в том числе специалистов. Практика церковной жизни показывает, что от первых сознательных шагов в храме до относительно глубокого понимания церковной жизни ведёт интервал 10-15 лет как минимум. В частности, подтверждением этому служит срок послушничества в крупных монастырях до революции – минимум 10 лет (см. например «Соловецкий патерик») [7].

2) Важнейшим, можно сказать изначальным компонентом позитивной эволюции является сам *факт веры*, способность воспринимать окружающее, по слову св. отцов, «сердечными очами».

3) Систематизацию знаний и представлений на научной основе, что предполагает, как правило, получение высшего образования в соответствующих областях.

4) Осознанное желание видеть в окружающей жизни то, о чём говорится в храме – нравственность, здоровую семью, честь, самопожертвование, милосердие и другие религиозные ценности.

В отношении энтропийно-деструктивных компонентов критерий А может включать:

1) Синдром «руин» и «исторических декораций». Это по существу означает отказ признавать старинные храмы, как руинированные, так даже и восстановленные, в качестве участников общего процесса развития цивилизации, её эволюции, культурных и нравственных сдвигов. Т.е. при таком миропонимании слово «руина» и слово «тупик», или нечто навсегда отжившее – практически одно и то же. И при этом «руина» некоторым

образом потребна для данного мировосприятия, чтобы эволюцию и прогресс видеть в себе, но не в храмах и не в духовной жизни (см. например замечательную философско-онтологическую работу святителя Илариона (Троицкого) «Прогресс и преображение».)

2) Отсутствие систематизированных знаний;

3) Синдром вседозволенности, т.е. специфического мировосприятия, по которому (якобы) вся современная цивилизация есть всеобщее царство вседозволенности. Можно даже высказать предположение, что от апологетов вседозволенности и исходят требования радикальной новизны церковной архитектуры и иконописи, отмены церковнославянского языка и т.д., буквально в соответствии с известным штампом «храм устарел и всё в нем требует замены». Это по-своему логично – атмосфера *вседозволенности* требует отказа от вечности и сопутствующего эстетического и обрядового сопровождения – т.е. по такой логике «пятна вседозволенности» не должны напоминать о Страшном Суде и вообще не должны выбиваться из общей уличной атмосферы ТРЦ, магазинов, кафе, увеселительных заведений, ресторанов, СПА-салонов и пр.. И вряд ли это принципиально новое за последний век – если вспомнить Блока, то отчётливо видно, что веком раньше подобного рода умонастроений было множество – «По вечерам над ресторанами/ Горячий воздух дик и глух/ И правит окриками пьяными/ Весенний и тлетворный дух»...

4) Излишний прагматизм мировосприятия, т.е. такое состояние, когда человек видит во всем окружающем, что бы он ни встретил, только разнородные коммерческие предприятия.

Критерий Б (эволюция архитектурных подходов). Безграничность данной темы общеизвестна. В рамках статьи подчеркнем следующее. Позитивные компоненты в общих чертах таковы:

1) Отчётливое осознание грани внутрицерковного и светского в зодчестве. Понимание принципиальной несводимости «стилей» к произведениям собственно церковного искусства;

2) Решимость выстроить в собственном сознании единую иерархию, включающую в себя и мир Горний, и мир земной. Блестящий образец подобного – общеизвестная работа Е.Н. Трубецкого «Умозрение в красках»;

3) Системные знания на основе современной научной базы;

4) Решимость следовать церковно-онтологическому подходу при анализе научного материала и при осуществлении новых проектных разработок. Иной подход, который можно назвать эстетико-онтологическим, свойственен многим работам, в частности, весьма небезынтесной для нас работе А.М. Панченко «Великие стили»: терминология и семантика» [8]. Ни явно, ни между строк автор не выдвигает положений о церковном, евангельском генезисе стилей, но вполне доверяет источникам, утверждающим светское происхождение названий и содержания эстетической канвы стилей.

Энтропийно-деструктивные компоненты данного критерия на наш взгляд таковы (в общем):

1) Присвоение безусловного главенства категориям моды, стиля, личных изысков в смысле объяснения явлений эволюции зодчества;

2) Отсутствие системных знаний, что для всех критериев является деструктивным компонентом;

3) Подходы на основе психологических штампов – т.е. присвоение ярлыков «архаика», «средневековье», «классицизм» и т.д. без попыток проникнуть в духовную значимость храмовой архитектуры;

4) Синдром «скансенологии» (от термина «скансенология» – наука о музеях под открытым небом). Иными словами, стремление создать эффектный «этнический» или «модный» ход в застройке, декорацию, элемент благоустройства и пр., опять же без серьезного проникновения в устройство духовной жизни верующих.

Критерий В (эволюция взаимосвязей архитектуры храма и среды). Позитивные компоненты:

- 1) Тектоническая, стилистическая и ландшафтно-пространственная увязка архитектуры храма и его визуального бассейна, стремление создать не только «священноречие» архитектуры самого храма, но сохранить это звучание в окружающем пространстве поселения;
- 2) Соблюдение проектных мероприятий охранного рода (зон охраны, соблюдение корректности организации улиц, зон и точек осмотра, стремление к отсутствию рекламы и т.д.);
- 3) Стремление к организации правильной ритмики пространственного восприятия храма (с ближних и дальних, верхних и нижних точек обзора, в дневное и вечернее время);
- 4) Стремление к поиску «глобальной» гармонизации архитектуры храма со специфическими чертами природы конкретной местности, с «воздухом» места, причем как природным, так и «историческим». Иными словами, глубокая гармонизация в отношении выражения характера родной земли, родной местности (например, «архангелогородская» гармонизация, «саратовско-поволжская» гармонизация, «суздальская», «муромская», «заонежская», «соловецкая» и др. варианты гармонизации, причем как основных тектонических построений, так и мелких специфических деталей и приемов; это не на 100% аналогично расхожему выражению «местная школа зодчества»). Специалистам, например, прекрасно известно, что соловецкая «новгородская» архитектура никак не равна собственно новгородской, или что между псковской и новгородской архитектурой дистанция в действительности не меньше, чем между новгородской и владими́ро-суздальской или московской. Существенно, что это не есть поиск «павильонной» красоты, напротив, в этом заложен глубочайший религиозно-онтологический принцип, состоящий в том, что *храм – это в определённом смысле родник своей земли, её исток*. Или, иными словами, отчётливое понимание того, что *святыня* «голливудской», театральной не бывает.

Энтропийно-деструктивные компоненты критерия В в сущности представляют собой отрицательные значения вышеперечисленных подпунктов 1-4, и мы не будем их повторно выписывать со словом «не».

Критерий Г (эволюция представлений общества об архитектурных и исторических доминантах). Позитивные компоненты:

- 1) Стремление видеть и ощущать «сердце города». В России исторически сложилось восприятие «сердца» как кремля с храмами или монастыря, что своего рода может трактоваться как некая ностальгия по «Граду Небесному» среди земного града. И, более того, в силу исторической организации Руси как бескрайней сельской страны, сложилась специфическая психология ожидания и восприятия сельской доминанты именно как храма, о чём прекрасно писал Д.С. Лихачёв: *«Недаром в древних памятниках, хваля церкви, говорили: "Храмы веселуются". И это замечательно: все русские церкви – это веселые подарки людям, любимой улочке, любимому селу, любимой речке или озеру. И как всякие подарки, сделанные с любовью, они неожиданны: неожиданно возникают среди лесов и полей, на изгибе реки или дороги. Московские церкви XVI и XVII вв. не случайно напоминают игрушку. Недаром у церкви есть глаза, шея, плечи, подошва и "очи" – окна с бровками или без них. Церковь – микрокосм, как микромир – игрушечное царство ребенка, а в игрушечном царстве ребенка человек занимает главное место. Среди многоверстных лесов, в конце длинной дороги возникают северные деревянные церкви – украшение окружающей природы»* [3]. Традиция видеть на первом месте «дворцовые» и «ансамблевые» доминанты в чистом виде свойственна, видимо, только Петербургу.
- 2) Стремление ввести исторические доминанты, храмы том числе, в круговорот реальной современной жизни, как в смысле богослужений, так в смысле светской культуры. Пример – службы в Софийском соборе Великого Новгорода и не только музейная, но и музыкальная практика в помещениях Новгородского кремля.

3) Стремление к осознанию реальности ранее происходившей духовной жизни, т.е. подход к осознанию времени. При подходе, свойственном верующим людям, жизнь святых людей всех времен не оценивается как нечто принадлежащее «необратимому времени песочных часов», напротив, в стремлении к сопричастности святым люди верующие видят прикосновение к вечности, своего рода *обратимое время*. Само понятие *святыни* в сознании верующих не принадлежит к линейно необратимому, только физическому «времени песочных часов». Отсюда общее понимание эволюции (верующими) в позитивном смысле подразумевает не просто уважение к истории, но и стремление видеть в качестве путеводных маяков этой эволюции знаки вечности, например, мощи великого святого; естественно, это требует соответствующего пространственно-архитектурного воплощения. Например, значение храмов Святой Земли может быть для верующего «маяком» эволюции, а для кого-то останется только историческим реликтом. Иными словами, в понимании верующего архитектурная доминанта – не просто красивое и солидное здание, а ворота в сопряжённую с вечностью духовную жизнь, что внешне не всегда приметно.

4) Существенный компонент эволюции для критерия «Г» скрыт в известной знаковой фразе «Два чувства дивно близки нам/ В них обретает сердце пищу/ Любовь к родному пепелищу/ Любовь к отеческим гробам». Доминантой в таком миропонимании часто становится место (архитектурно оформленное или даже разрушенное до земли), которое ассоциируется прежде всего с *праведностью*. Это может быть, как часто было раньше, здание и место храма с окружающими его захоронениями предков, но может быть и место памяти, не имеющее буквальных признаков памятника, но символизирующее именно праведность. Таковы, например, многие знаковые места событий Великой Отечественной войны – поля, места боев, и в том числе позднейшие произведения уже собственно творческой мысли, как Мамаев курган, храм на Курской дуге и др.. Стремление сохранить доминанты *праведности* весьма важно для образования высоконравственной структуры общественного пространства. Характерно, что доминанты праведности менее всего привязаны к материальным носителям; такой доминантой может быть даже книга или изустное предание о праведнике. В архитектурном отношении это один из сложнейших вопросов, т.к. безыскусность, например, старинного деревянного зодчества и читается как признак праведности - намного сильнее, чем отвлеченный признак «эстетизма», «этничности» и пр.

Энтропийно-деструктивные компоненты критерия Г в сущности также могут быть обрисованы подпунктами 1-4 с отрицательным значением. Полярность представлений в данном случае совершенно понятна – на одном полюсе стоит стремление сохранить святыню, пусть она имеет вид небольшой, обветшавшей и «немодной» церкви, но она «щемит душу», на другом полюсе – стремление отгрохать сногшибательный и абсолютно бездушный ТРЦ в качестве общественной городской доминанты, причем так, чтобы эта самая старая церковь по возможности не просматривалась, окажись она рядом.

Естественнонаучное понимание энтропии простирается в наше время на разнообразные явления, в нашем случае гуманитарные. Причем в отличие от естественных наук, где просто употребление слова «энтропия» без количественных параметров вовсе не означает беспорядка, в области общественных и гуманитарных явлений это слово почему-то приобрело отрицательный оттенок само по себе, без всяких математических признаков. В нашем случае некая формализация потенциального массива исследуемого материала все же возможна: мы постарались симметрично разбить четыре критерия эволюции на 4 подпункта, итого получили условно 16 признаков положительных и 16 отрицательных, что позволяет создать пусть примитивный, но наглядный табличный «термометр» (таблица 1). Разумеется, в оценке наличия компонентов эволюционного процесса всегда будет элемент субъективности, это лишь попытка наглядной формализации для потенциального сравнения конкретных объектов. При всей условности такой демонстрации она помогает увидеть каждую ситуацию эволюции через учет «пунктов», соответственно, чем меньшее число отрицательных пунктов проявится, тем меньше будет «энтропия» исследуемых нами гуманитарных явлений. О положительных

пунктах можно сказать, что их соотношение и структура также должны быть максимально просты – тогда энтропия также убавится. Храм в идеале должен быть подчинен одной главной архитектурной идее, тогда он становится выразительным. Сгусток всех подряд возможных положительных мотиваций без осмысленной генерации идеи также может увеличивать энтропию и приводит к созданию аморфных и безликих произведений. Т.е. маловероятно, что цифра «16» в части гармонизирующих компонентов (по данному калькулятору) будет автоматически означать наилучший результат.

Таблица 1. Условный «калькулятор» интенсивности воздействия гармонизирующих и энтропийно-деструктивных процессов

Наименования основных составляющих и соответствующих критериев эволюции храмового зодчества	Род эволюционного воздействия (гармонизация либо рост энтропии)	Группа №1 (по тексту)	Группа №2 (по тексту)	Группа №3 (по тексту)	Группа №4 (по тексту)
Критерий А: Эволюция конкретики религиозно-общественных представлений	Гармонизирующие, против-энтропийные компоненты				
	Энтропийно-деструктивные компоненты				
Критерий Б: Эволюция собственно архитектурных подходов и представлений	Гармонизирующие, против-энтропийные компоненты				
	Энтропийно-деструктивные компоненты				
Критерий В: Эволюция взаимосвязей архитектуры храма и среды	Гармонизирующие, против-энтропийные компоненты				
	Энтропийно-деструктивные компоненты				
Критерий Г: Эволюция представлений общества об архитектурных и исторических доминантах в ткани поселений и городов	Гармонизирующие, против-энтропийные компоненты				
	Энтропийно-деструктивные компоненты				

Примечание: основные критерии эволюционных процессов храмового зодчества, соответствующие основным составляющим эволюционного процесса, обозначены индексами А,Б,В,Г (см. текст). Показан *абстрактный* пример для некоего конкретного объекта для случая максимального вмешательства энтропийных процессов (закрашены все 16 клеточек в разделе энтропийных факторов). Соответственно для данного абстрактного примера градация отрицательной энтропии выражается цифрой «16», меньшие значения будут означать менее активное воздействие энтропийно-деструктивных факторов.

Краткие характеристики дореволюционных представлений о храмоздательстве в контексте данной работы

Храмостроение, безусловно, не может быть охвачено даже очень упрощенно с помощью двух-трех таблиц (в смысле эволюции). Предложенная выше таблица – это лишь один из

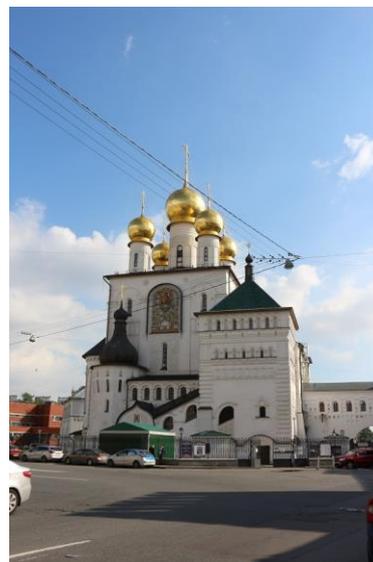
небольших вспомогательных инструментов. Важнейшей составляющей, которая никак не может быть сведена к таблицам, является качественная оценка мотиваций (архитектурных) в дореволюционном зодчестве, т.к. перерыв 1917–1990-х годов невозможно восполнить без привязки к дореволюционной «системе координат».

Мотивации архитектурных поисков храмоздательства к концу XIX – началу XX веков можно поделить как минимум на три крупнейших класса: «древле-центрический», «авторско-стилевой» и «природно- (земле-) центрический» (в смысле индивидуальных особенностей «местных» вариантов зодчества, как правило далеко отстоящих и от древнерусских мотивов, и от ярко индивидуальных произведений зодчих придворного и столичного круга).

«Древле-центрический» класс мотиваций зародился как минимум со времен Петра Первого, и возможно раньше, во времена трагедии раскола; по вполне понятным причинам он приобретал не только религиозный, но и идеологический подтекст. Примеров дореволюционного проявления подобной ментальности в архитектуре известно множество (рис 1а,б). Императив, который можно сформулировать применительно к «древле-центрическому» подходу, может звучать так: стремление выразить через старинные архитектурные образы атмосферу идеализированной Руси домоногольского и средневекового периодов до раскола.

а)

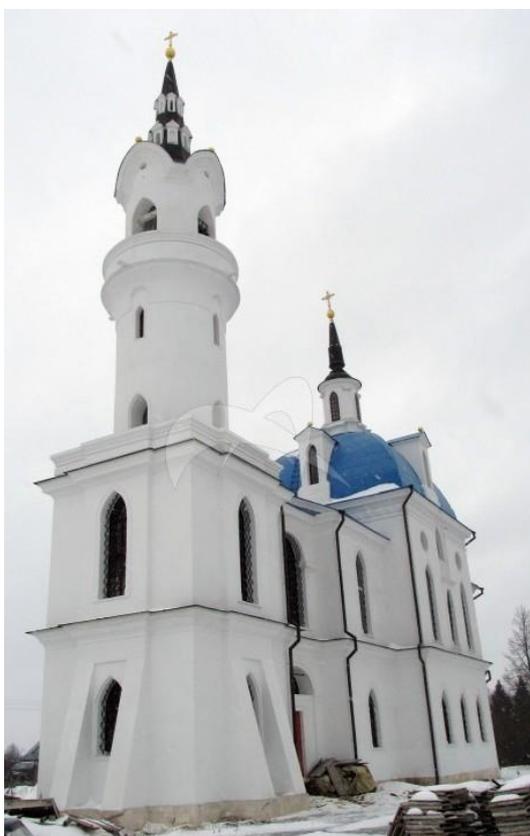
б)

Рис. 1. а) Храм честь Святителя Николая Мирликийского, 1902-1905 гг., арх. И.П. Машков. После восстановления в 1990-х получил новое посвящение в честь святого благоверного князя Александра Невского в качестве монастырского собора. Соборный храм в честь св. блгв. князя Александра Невского, заложенный в 1892 г. по проекту арх. А.С. Каминского до революции не был достроен и уничтожен в 1930-е гг.; б) Феодоровский собор, Санкт-Петербург. 1913 год, арх. С.С. Кричинский. Фото автора, июнь 2017 г.

«Авторско-стилевой» класс мотиваций также в некоем роде был давно известным, но за давностью веков его как-то не принято активно обсуждать в произведениях домоногольского периода и раннего средневековья, начало «именного» этапа ассоциируется с петербургской историей и временем Петра I. Характерно, что одновременно с многообразием храмовой архитектуры росла и энтропия. Индивидуализм и приверженность стилям создали категорию своего рода моды, необходимость идти «в ногу со временем»; следом за ярким индивидуальным произведением начинался «шлейф» подражаний, видимо часто превращавшийся позднее в бездумно применяемый

трафарет. Известно, что классицизм «по разрядке» часто получался эклектичным и достаточно тяжёлым. И с течением времени возникала некая ответная реакция на индивидуализм – так, пример на рисунке 1а, храм монастыря в Акатово, расположен совсем неподалёку от села Поджигородово, где столетием раньше был построен яркий, индивидуальный храм, который приписывают Баженову или его кругу (рис. 2а). Разумеется, при таком тесном соседстве архитектура храма в Поджигородово не могла не повлиять на ход мыслей при выборе решений для храма акатовского монастыря, получается – по принципу *от противного*.

Индивидуалистических произведений известно множество – храм в Дубровицах, Чесменская церковь, церковь авторства Растрелли в Петергофе и т.д. Обобщённый анализ показывает, что высокие результаты были именно на пике авторского творчества; подражательные творения «по мотивам, по образу и подобию» редко достигали совершенства авторских работ. Например, неоготический храм в Щёлково (рис. 2б) совсем не достигает ясности выражения архитектурно-художественных идей храма в Поджигородово. Императив «авторско-стилевого» подхода можно сформулировать как стремление создать индивидуальную архитектуру храма как неповторимого произведения высокой культуры.

а)

б)

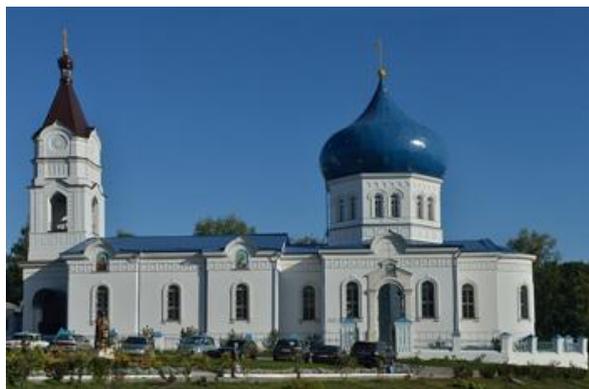
Рис. 2. а) Храм в честь Архангела Михаила, село Поджигородово под Клином. Авторство храма приписывают Баженову (или его кругу), датой постройки считают 1783 год, при этом ошибочно записанной датой считают 1763 год. Расстояние по прямой до храма монастыря в Акатово – 4,5 км; б) Свято-Троицкий собор, Щёлково. 1909-1916 годы, арх. С.М. Гончаров

«Природно- (земле-) -центрический» подход – это своего рода естественно-историческое структурирование школ и периодов зодчества в соответствии с укладом, локальными природными особенностями, «колоритом» местности. По мере стабилизации и

укрепления границ Руси храмостроение приобретало массовый характер, и на сегодняшний день для большинства сельских территорий можно только в самом общем виде говорить о количестве ступеней развития (или генераций подходов) в зодчестве, т.к. охватить этот материал невозможно. В поле зрения исследователей, как правило, попадают наиболее крупные явления. Детального сравнения сельских храмов по областям и районам, наверное, не существует, но даже эмпирический опыт говорит, что местность, так или иначе, накладывает отпечаток на храмовую архитектуру на уровне как подсознательного обще-композиционного порядка, так и на уровне деталей. Например, всем хорошо известно, что черноземные районы Центральной полосы, на переходе от лесостепи к степи, характеризуются любовью храмоздателей к широким, просторным и несколько приземистым барабанам и соответственно достаточно плоским куполам. Возможно, мягкое, лирическое степное пространство, лишённое резких разворотов рельефа, пробуждает в сознании зодчих желание вписать храм как «облако», лежащее почти на земле, в этот простор (рис. 3а).

Лихачёв Д.С. особо выделяет «игривость», непосредственность облика храмов, даже применяет многозначность языка для выражения полноты бытия храмовой архитектуры в сознании – по его мысли, храмы могут быть одновременно «чудными» и «чуждыми». Т.е. они рождены как бы чудом, не на земле, и при этом вплотную прикасаются к человеку, к его сердцу, что происходит благодаря понятности, красоте и заигрываниям приемов архитектуры с человеком вплоть до «чуждательства». И при этом «чуждательства» имеют глубокий смысл – они несут тепло человеку, может быть иносказательно, может быть в виде игры и т.д. Соблюдается принцип выражения бескрайнего богатства мира Божия – мир должен быть полифоничным, ярким, земными средствами отражающим Небесную красоту Царствия Божия. Например, знаменитая суздальская «дудка» – шатер с вогнутыми гранями – типично полифонический прием, создающий неповторимый облик района (рис. 3б). Характерно, что мысль зодчих (в рамках рассматриваемого класса мотиваций) не гонится за «вселенской» индивидуальностью, не ищет соперничества с архитектурой Флоренции или Ватикана, но напротив, идёт по пути смиренномудрия (автор неоднократно встречал применение понятия «смиренномудрие» в беседах Е.А. Ополовниковой – как одного из базовых в смысле идеологии отечественного зодчества). Иными словами, трактовать «природно- (земле-) -центрический» подход как лубочную этничность неверно, более того, императив этого подхода можно сформулировать как сочетание смиренномудрия, стремления к церковности зодчества и одновременного почитания родной местности, бунинской Христовой Руси, единой для всех и одновременно столь же многоликой, сколь многолика её природа. Заметим, что в реалиях дореволюционной России – при конном транспорте, а уж тем более при пешем «паломничестве к Киеву» или «в Соловки» обстоятельства благоприятствовали накоплению впечатлений от храмовой архитектуры много больше, чем сейчас, и соответственно требовательность общества к качеству зодчества была выше.

Грань между упомянутым «чуждеством» и механической эклектикой достаточно явная (рис. 3в).

а)

б)

в)

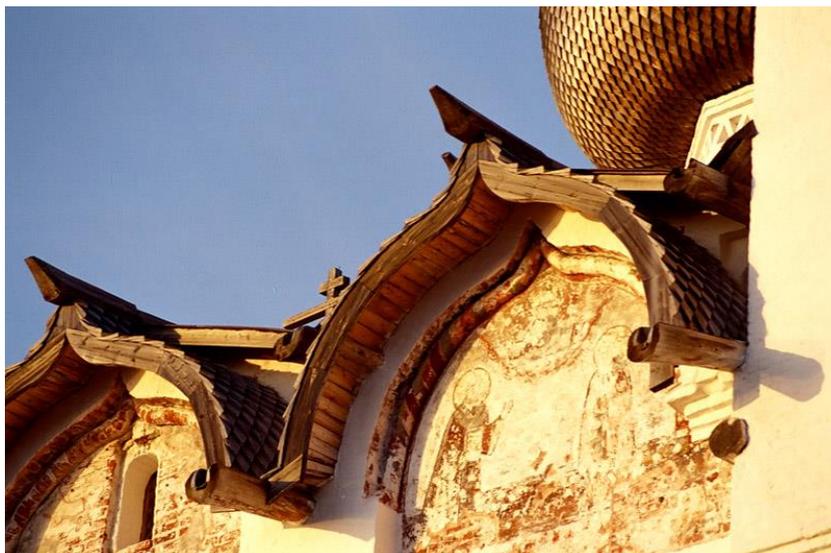
Рис. 3. а) Храм в честь прп. Сергия Радонежского, г. Плавск. 1767-74 гг., после перестройки вновь освящён в 1867 г. Тектоническая компоновка храма созвучна широте степи, создает переключку с природой окрестностей; б) Суздаль, слева храм Антипия, епископа Пергамского, 1745 г., справа церковь Лазаря Четверодневного, 1667 г.. В сравнении с «похожим» на Лазаревскую церковь храмом монастыря в Акатово (рис. 1а) данный храмовый комплекс создает намного более тонкую, глубокую и поэтичную переключку с землей окрест; в) Храм Воскресения Христова у Варшавского вокзала, Санкт-Петербург. 1904-1908 гг, арх. Г.Д. Grimm, Г.Г. фон Голи, А.Л. Гун. Фрагмент. Очевидно присутствие эклектики, видимо не нацеленной на переключку с землей и более замкнутой «на себя». Фото автора, июнь 2017 г.

Что стало с «древле-центрическими», «авторско-стилевыми» и «природно-(земле-) -центрическими» архитектурными храмовыми мотивациями между 1917 годом и началом 1990-х годов?

Вопрос является на первый взгляд риторическим. Принято считать, что никакой эволюции храмоздательства в названном периоде быть не могло. Не было *фактов* эволюции, но была весьма бурная, частично героическая, частично трагическая и негативная эволюция сознания, скорее всего, невиданная по масштабам и последствиям. Вряд ли стоит детально рассматривать негативную эволюцию; упомянем лишь свидетельство о. Павла Флоренского, что еще за десятилетия до революции атеизм вошёл в уклад высокообразованных семей, и в их семью в том числе, как обыденная вещь [9]. Плоды практического атеизма и практического богоборчества известны.

Парадоксы советского периода привели к невиданному ранее расцвету реставрационной науки и как ни странно росту уровня осознания зодчества в определённом слое специалистов. Например, в Соловках линия П.Д. Барановского – О.Д. Савицкой – В.В. Сошина позволила создать заново уникальный, намного превысивший дореволюционный уровень ансамбль, который стал не только достижением реставрации, но и достижением архитектурной мысли как таковой (заметим, сегодняшние

«преобразования» сразу ставшего к началу 1990-х годов *двойным* архитектурным памятником ансамбля никакого отношения к высокой культуре не имеют) (рис. 4).

а)

б)

Рис. 4. а) Результат «сошинской» реставрации Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря. Западная стена. В дореволюционном варианте все щипцы были заложены кладкой, кровля была плоской металлической. Данная конфигурация была восстановлена в ходе изысканий Союзреставрации в 1960-1980-х гг. Фото автора, август 1997 г.; б) переделки поверх «сошинской» реставрации Спасо-Преображенского собора Соловков в августе 2015 г. на щипцах южной стены. Фото автора

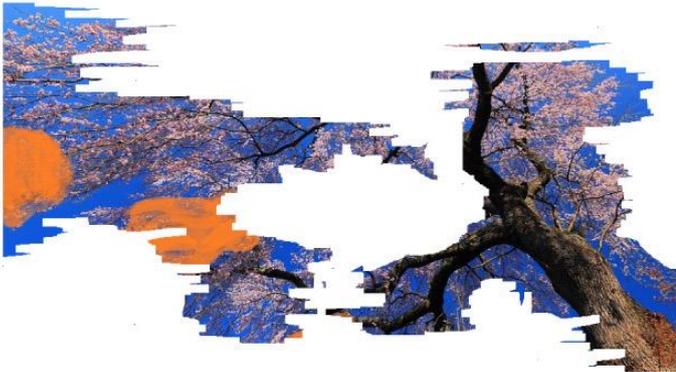
Реалии войны, как известно, привели к сдвигам даже на официальном уровне, что позволило провести идеологически важные реставрации Великого Новгорода, Пскова и т.д., но следом за эпохой послевоенной «героической реставрации» и относительного восстановления роли храмового зодчества в общественном сознании частично начался предперестроечный период «икон на Арбате». Ростки нынешнего общества безграничного потребления, безусловно, существовали в 70-е и 80-е годы XX века, и одним из характерных признаков этого было отношение ко всему «церковному» как особо выгодному «фарцовочному» товару, пригодному к обмену на валюту. Очевидно, правильное осознание храмового зодчества как музейной и церковной категории существовало в достаточно ограниченном кругу людей, многие из которых и в советское

время если и не ходили в храм на Пасху, то хотя бы отмечали её дома. Потребительская ментальность делала своё дело – например, храм-памятник федерального значения в селе Федяево Вяземского района Смоленской области был разрушен до руин не фашистами и не богоборцами, а просто-напросто разворован частью окрестного населения после смерти последнего священника в 60-е годы; когда листы кровли храма разошлись «на хозяйство», начался естественный процесс разрушения кладки и т.д. (данные факты были сообщены местными жителями лично автору).

Иными словами, судьбу «древле-центрических», «авторско-стилевых» и «природно-(земле-) -центрических» архитектурных мотиваций можно на наш взгляд представить в виде схемы, где три параллельных вектора, соответствующих названным классам мотиваций, проходят через «исторический фильтр» ранее описанных критериев (и реально происходивших процессов) эволюции под индексами А, Б, В, Г (схема 1). Энтропийные компоненты данных критериев, как мы кратко показали выше, усиливались от 1917 года к началу 1990-х годов, тогда как позитивные компоненты претерпели эволюцию в лучшую сторону лишь в умах очень малочисленной части населения и специалистов. Сумму качественных изменений основных классов архитектурных мотиваций к началу 1990-х годов мы и попытались в начале статьи именовать «всплеском энтропии». Существенным моментом, увеличивающим энтропию в названном аспекте, также является крайне низкий, как правило, профессиональный уровень строительства и большие возможности фальсификации отчетности в смысле расходования средств; практика строительства на сегодняшний день такова, что заказчик часто ищет не такого подрядчика, кому более других дорог храм Божий, а просто-напросто подрядчика подешевле. Качество постройки, допустим, храмов арх. В.А. Косякова и многих современных объектов, к сожалению, часто несопоставимы.

Размышления об «энтропии» могут быть, безусловно, подвергнуты критике в том роде, что один человек считает специфическими особенностями или уникальным авторским почерком то, в чём другой увидит ростки хаоса и энтропии. Вкусы, привычки, стереотипы восприятия естественно существуют. И всё же есть некоторые вещи, которые на наш взгляд позволяют достаточно ясно оценивать энтропию. Критерий оценки энтропии – уместность архитектуры в религиозном переживании Пасхи, способность здания храма быть не только вещественным зданием, но и вместилищем наивысшего подъема душевных переживаний о Воскресении Христовом. Энтропия может иметь, на наш взгляд, различные «замесы» – либо назойливость форм, либо холодность, либо совершенно чуждую пасхальной радости технократичность, мертвящую детерминированность элементов и пространства в целом (кто многократно переживал радость утра после пасхальной службы – с особо трепетным и тонким рассветом, особым воздухом, голосами птиц, радостью первой зелени или готовящихся раскрыться листьев и непередаваемым торжеством от ощущения свершившегося Воскресения Христова – тот будет бесконечно рад архитектурной форме храма, одновременно и вмещающей это торжество духа, и гармонично вливающейся в полифонический строй пасхального славословия Богу). Что является также серьезнейшей проверкой зодчества – состояние неотмирного покоя (особенно северных монастырей), который произведение зодчества не должно нисколько нарушать и тем более задевать обмирщённостью. Естественно, это уровень «сверхзадачи» – мысленно суметь поставить проект в среду современного города так, чтобы он и там излучал вовне неотмирный покой – как в каком-либо далеком монастыре «на краю земли». Но это – хотя бы понятная и отчётливая цель эволюции мысли, которую можно и нужно вводить в практику проектирования.

Максимально обобщённая картина суммарных исходных позиций новейшей эволюции храмового зодчества в России после 1990 года. Визуальный образ "дерева эволюции" представлен с условными зонами потерь от энтропийно-деструктивного фона, суммировавшего в себе дореволюционные и также послереволюционные факторы снижения уровня храмового зодчества в России.

Условно показан период от 1917 года до начала 1990-х годов. На стрелках, отображающих классы мотиваций храмовой архитектуры, "пестротой" показано воздействие энтропийно-деструктивных факторов (усиление энтропийно-деструктивных компонентов названных ранее факторов и критериев А,Б,В,Г).

Максимально обобщённая картина итогов дореволюционной эволюции православного храмового зодчества в Российской Империи. Визуальный образ "дерева эволюции" представлен с условными зонами потерь от энтропийно-деструктивного фона (пятна оранжевого цвета) в обществе (нигилизма, ростков агрессивного безбожия, индифферентности просвещённых слоев общества к вере и др. общеизвестным факторам).

Условно показан дореволюционный период конца XIX - начала XX века.

Схема 1. Характер и причины изменения трёх основных классов дореволюционных мотиваций развития храмовой архитектуры («древле-центрических», «авторско-стилевых» и «природно- (земле-) -центрических») к началу 1990-х годов с учётом воздействия энтропийных факторов. В период 1917-1990-х годов не было фактов эволюции храмового зодчества, но происходила эволюция сознания в отношении понимания храмов; для данного периода на схеме обобщённо показано воздействие энтропийно-деструктивных факторов на сознание, но естественно не на сами объекты.

Некоторые характеристики и примеры эволюции «древле-центрических», «авторско-стилевых» и «природно- (земле-) -центрических» архитектурных мотиваций из новейшего периода отечественного храмостроения

Монография А.С. Щенкова с соавторами «Архитектура русского православного храма» содержит достаточно полный обзор типовых современных ситуаций проектирования новых храмов. О поисках иконографии и тектоники современного храма авторы, в частности, пишут: «Становится очевидным, что наибольшую опасность представляют две крайности в этих поисках: техницизм и китч» [2]. Заметим, что и техницизм, и китч – это антагонизмы по отношению к понятию «смирennemудрия». Получается, что смирennemудрие как цель эволюции храмового зодчества (в широком смысле – как процесс уменьшения энтропии) – это достойный путь развития, но требующий особо тонкого и глубокого осознания на церковной основе. Материальные, параметрические грани (т.е. конкретные чертежи и локальные приемы) между «китчем» и «смирennemудрием» очень тонкие. Так, ранее на некоторых примерах фотокоррекции изображений уже построенных храмов автором показана возможность перевода облика в иные эмоциональные состояния при весьма небольших линейных изменениях [10]. Хорошо известная верующим формула «в немощех сила Божия совершается» некоторым образом применима и тут: не громадность и динамика объемов, а малые подвижки формы часто ведут к созданию образов, светящихся внутренним светом. То, что стоит в центре житийных повествований о святых – стремление стяжать благодать Божию, прежде всего через хождение в правде перед Богом – в равной мере справедливо и по отношению к зодчеству. Поиск внутреннего света, а не внешне эффектной формы – казалось бы, понятный лозунг, но практика показывает сложность этого процесса в реальности. Заметим кратко, что *стиля* «внутренний свет» *не существует*. Здесь снова просматриваются параллели архитектуры и общечеловеческого устройства жизни – можно устроить свой быт в стиле Людовика XV или в стиле героев Голливуда, но невозможно жить «в стиле покаяния», т.к. тогда вместо покаяния останется лишь фарисейство. Подобным образом и архитектура храма может быть, и должна быть «действием покаяния», своим в каждом конкретном случае – выражающим конкретные переживания авторов или определённой группы людей, но попытки создать «стиль покаяния» и будут неизлечимым китчем. Это, в частности, доказывается тем, что слепое копирование компонентов (и целых проектов) даже весьма совершенных образцов часто в повторном применении остается холодным, далеким от наполненности Божией благодатью.

На рисунке 5а приведён пример храма в Красноярске. На наш взгляд, можно говорить о том, что присутствуют некоторые признаки «техницизма», о котором говорит А.С. Щенков с соавторами, при этом в целом по предлагаемой классификации мотиваций архитектуру можно было бы отнести к области современных «авторско-стилевых» поисков.

На рисунке 5б приведён пример храма в г. Серафимович Волгоградской области. Как можно заключить из представленных на показывающем его сайте описаний, идеей было создание храма с 33 куполами. Т.е. можно говорить о том, что изначально была чисто семантическая мотивация – число 33, соответствующее числу земных лет Спасителя. На наш взгляд, данный пример показывает, что одной лишь семантической мотивации без наличия цельной и хорошо проработанной архитектурной идеи недостаточно для достижения высокого уровня. Само собою напрашивающееся сравнение с кижским многоглавием или многоглавием сгоревшего храма в Анхимово сразу выявляет наличие цельной, глубоко мотивированной и хорошо проработанной идеи в названных хрестоматийных объектах. Таким образом, данный пример подтверждает, что изначальные архитектурные мотивации создания нового произведения не должны быть *отрывочными*, не входящими в значительной мере в устоявшиеся «русла» или классы мотивации (создаётся впечатление, что в данном примере возникла идея – «33 купола» – но дальше конкретные идеи и пространственные ходы остановились, отчего в итоге образовалась в сущности эклектика).

а)

б)

Рис. 5. а) Красноярск, храм Двенадцати Апостолов. 2003-2015 гг. Арх. А.Г. Янкевич;
б) Преображенский храм Усть-Медведицкого Спасо-Преображенского монастыря,
г. Серафимович Волгоградской обл. 2003-2014 гг.

Основные выводы

1) Трактовка процесса эволюции храмового зодчества с точки зрения изменения общей энтропии архитектуры дает возможность логически увязать дореволюционный период с периодом возобновления храмостроительства с начала 1990-х годов. Частично

современное храмостроительство характеризуется радикальными переменами по отношению к дореволюционному, что может быть объяснено накоплением энтропийных мотиваций в период 1917 – начала 1990-х годов.

2) В работе предложено группирование основных архитектурных мотиваций дореволюционного храмозодчества (в конце XIX – начале XX веков) в три общих класса: «древле-центрические», «авторско-стилевые» и «природно- (земле-) -центрические».

3) Для доступной оценки эволюции вышеперечисленных классов архитектурных мотиваций предложена система критериев эволюции, из четырёх критериев, соответствующих основным частям эволюционного процесса. Внутри каждого из критериев выделены компоненты гармонизирующие и компоненты энтропийно-деструктивные. Выделенные критерии (и процессы) названы в работе так: А) эволюция конкретики религиозно-общественных представлений в смысле осознания места в реальной жизни основных догматических категорий православной веры; Б) эволюция собственно архитектурных подходов и представлений; В) эволюция взаимосвязей архитектуры храма и среды; Г) эволюция представлений общества об архитектурных и исторических доминантах в ткани поселений и городов.

4) Предпринята попытка составления общей схемы для описания исходных состояний и позиций эволюции храмового зодчества после 1990 года. В основу схемы положены три параллельных логических вектора развития, соответствующие выделенным классам мотиваций (п.2), каждый из которых претерпел определённые изменения в период 1917–1990 годов под воздействием явлений, описанных критериями эволюции А-Г согласно п. 3. Согласно схеме, основные направления, или классы, мотиваций в принципе сохранились до XXI века, но претерпели изменения вследствие возрастания энтропийных компонентов процессов эволюции.

5) В качестве рекомендаций выдвинуто положение о желательном снижении уровня энтропии при проектировании новых храмов, с тем, чтобы в сознании общества «энтропийные» изменения зодчества не отпечатывались как «современные», т.е. будто бы необходимые и востребованные временем.

6) В статье подчёркнута роль собственно церковных, духовных категорий в эволюции храмового проектирования. В частности, понятие «смиреномудрия» может быть в полной мере перенесено от собственно церковной жизни на архитектуру, т.к. данное понятие (и действие) излечивает явления энтропийного характера, в том числе такие, как технизм и китч в храмовой архитектуре.

Источники иллюстраций

Рис. 1а. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.hramy.ru/regions/r50/klinsky/akatovo/akatmon01.jpg>

Рис. 2а. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mosculture.ru/wp-content/uploads/2014/09/03181_20150325_103746-e1432644374274.jpg

Рис. 2б. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://temples.ru/show_picture.php?PictureID=25339

Рис. 3а. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.phototowns.ru/wp-content/uploads/2015/11/n15_2482.jpg

Рис. 3б. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://ic.pics.livejournal.com/vilenia/13853042/20756/20756_original.jpg

Рис. 5а. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://s12.stc.all.kpcdn.net/share/i/12/9639992/inx960x640.jpg>

Рис. 5б. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xramchudo.ru/?p=40>

Литература

1. Швидковский Д.О. Исторический путь русской архитектуры и его связи с мировым зодчеством. – М.: Архитектура-С., 2016. – С. 19-209.
2. Архитектура русского православного храма. Под общей редакцией доктора архитектуры А.С. Щенкова. – М.: Памятники исторической мысли, 2013. – С. 9-72, 185-188, 411.
3. Лихачёв Д.С. Ещё о доброте. В сб. Заметки о русском [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ladim.org/st0ab8100101.php>
4. Ополовников А. В. Бревенчатый Иерусалим. Деревянные церкви и часовни Руси. Часть 1. Клетские церкви и часовни. Серия: Древнерусское деревянное зодчество / А.В. Ополовников, Е. А. Ополовникова. – М.: Издательство "ОПОЛО", 2007. – 528 с.
5. Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе. Умозрение в красках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/CULTURE/TRUBECKOJ/ikony.txt>
6. Флоренский П.А. Храмовое действо как синтез искусств. В сб. «Христианство и культура». – М.: Изд-во АСТ Фолио, 2001. – С. 508-520.
7. Соловецкий патерик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_sviatykh/solovetskiy_paterik/1_1
8. Панченко А.М. Великие стили: терминология и семантика. В сб. Семиотика культуры. Тезисы докладов Всесоюзной школы-семинара по семиотике культуры 8-18 сентября 1988 года. – Архангельск, 1988. – С. 37-39.
9. Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминания прошлых лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/2434>
10. Петров-Спиридонов Н.А. Зодчество по Авелю / Архитектура и строительство Москвы. – 2009. – № 4. – С. 48-58.

References

1. Shvidkovskij D.O. *Istoricheskij put' russkoj arhitektury i ego svjazi s mirovym zodchestvom* [The historical path of Russian architecture and its connection with the world architecture]. Moscow, 2016, pp. 19-209.
2. *Arhitektura russkogo pravoslavnogo hrama. Pod obshhej redakciej doktora arhitektury A.S. Shhenkova* [The architecture of the Russian Orthodox Church. Under the General editorship of doctor of architecture A. S. Schenkov]. Moscow, 2013, pp. 9-72, 185-188, 411.
3. Likhachev D.S. *Eshchyo o dobrote. V sb. «Zametki o russkom»* [More about kindness. In the book "Notes on the Russian"]. Available at: <http://www.ladim.org/st0ab8100101.php>
4. Opolovnikov A. V., Opolovnikova E. A. *Brevenchatyj Ierusalim. Derevyannye cerkvi i chasovni Rusi. CHast' 1. Kletskie cerkvi i chasovni. Seriya: "Drevnerusskoe derevyannoe zodchestvo"* [Log Jerusalem. Wooden churches and chapels of Rus. Part 1. Kletskii churches and chapels. Series: "Ancient Russian wooden architecture"]. Moscow, 2007, 528 p.
5. Trubeckoj E.N. *Tri ocherka o russkoj ikone. Umozrenie v kraskah* [Three essays on the Russian icon. Mindset in paints]. Available at: <http://lib.ru/culture/trubeckoj/ikony.txt>

6. Florenskij P.A. *Hramovoe dejstvo kak sintez iskusstv. V sb. «Hristianstvo i kul'tura»* [The temple acts as a synthesis of the arts. In the book "Christianity and culture"]. Moscow, 2001, pp. 508-520.
7. *Soloveckij paterik* [Description of the life of the Solovetsky monks]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/solovetskiy_paterik/1_1
8. Panchenko A. M. "Velikie stili": *terminologiya i semantika. V sb. Semiotika kul'tury. Tezisy dokladov Vsesoyuznoj shkoly-seminara po semiotike kul'tury 8 – 18 sentyabrya 1988 goda* ["The Great styles": terminology and semantics. Semiotics of culture]. Arhangel'sk, 1988, p. 37-39.
9. Florensky P. A. *Detyam moim. Vospominaniya proshlyh let* [To my Children. Memories of the past]. Available at: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/2434>
10. Petrov-Spiridonov N.A. *Zodchestvo po Avelyu* [Art of building inspired by Abel. Magazine "Architecture and Construction of Moscow"]. 2009, no. 4, pp. 48-58.

ОБ АВТОРЕ

Петров-Спиридонов Николай Александрович

Старший преподаватель, кафедра «Храмовое зодчество», кафедра «Архитектурная практика», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

e-mail: nicnord@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Petrov-Spiridonov Nickolai

Senior Lecturer, Chair «Church Architecture», Chair «Architectural Practice», Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

e-mail: nicnord@mail.ru